

Глава 8

Шэнь Хуэйцы слов на ветер не бросал: если сказал, что разберется, значит, так и будет.

Он снимался вместе с Ань Ци в масштабном фэнтези-сериале «Идущий по снегу». Съемки длились уже четыре месяца и подходили к концу, однако Ань Ци продолжал с завидным упорством ежедневно приходить к нему, якобы «обсудить сценарий».

Надо признать, это рвение расположило к нему многих на площадке. Даже режиссер, который поначалу недолюбливал парня, считая его очередным «протезе со спонсорскими деньгами», в последнее время сменил гнев на милость.

Шэнь Хуэйцы полулежал в шезлонге, прикрывая лицо сценарием от солнца. Лениво приподняв веко, он бросил взгляд на юношу, который приближался к нему со складным стульчиком в руках.

Ань Ци устроился рядом. В одной руке он сжимал сценарий, в другой — ручку.

— Учитель Шэнь...

— Ань Ци, — протянул Хуэйцы томным, небрежным тоном. — Кажется, я уже говорил, что сейчас занят. Почему бы тебе не поспрашивать совета у других старших коллег?

— Я... — Ань Ци округлил глаза, закусил губу и, понурившись, замолчал.

Шэнь Хуэйцы едва заметно нахмурился. Если Линь Суе и впрямь симпатизирует этому парню, то вкус у него никудышный. Если говорить мягко — парень слишком зациклен на себе, если грубо — он просто непрошибаем и совершенно не умеет подстраиваться под ситуацию.

— Ты вчера ходил к молодому директору Линю? — внезапно спросил Шэнь.

Ань Ци резко вскинул голову, его пальцы судорожно вцепились в страницы сценария.

— Откуда... откуда вы знаете?

Шэнь Хуэйцы лениво перелистнул пару страниц. На его губах заиграла двусмысленная, колючая улыбка.

— Он сам мне сказал. — Выдержав паузу, он добавил: — И какой же договор ты с ним подписал?

При этом вопросе Ань Ци невольно вспомнил события прошлой ночи. Он искренне полагал, что Линь Суе помогает ему из личного интереса — иначе зачем бы такому влиятельному человеку подписывать контракт с «пустым местом» вроде него и забирать в свою корпорацию? В контракте было четко прописано: компания оплатит лечение матери только после того, как Ань Ци принесет ей семизначную прибыль.

Но Линь Суе поступил иначе. Спустя час после того, как контракт вступил в силу, из больницы позвонили и сообщили, что его мать уже перевели в VIP-палату.

Ань Ци было трудно не задаваться вопросом: не хочет ли Линь Суе получить что-то взамен? Например... его тело.

Однако то, что произошло вчера, стало для него болезненной пощечиной. Ему ясно дали понять: он просто-напросто слишком много о себе возомнил.

Ань Ци сжал кулаки, его голос стал сухим и холодным:

— Это обычный рабочий контракт. — Ногти впились в ладони, оставляя на коже глубокие следы в форме полумесяцев.

— Обычный?

— Директор Линь принял меня в штат. Мы договорились, что он поможет моей матери, когда я принесу компании достаточную прибыль.

— Вот оно что... — Шэнь Хуэйцы приподнял бровь, многозначительно растягивая слова. — Значит, простое соглашение о взаимопомощи.

— Да, — отчеканил Ань Ци, едва ли не скрежеща зубами от подавленной обиды.

Он решил для себя: что бы ни случилось в будущем, он больше никогда не сделает того, что пытался сделать вчера.

Шэнь Хуэйцы не удержался от смешка, в его лисьих глазах промелькнула насмешка. Он уже примерно представлял, что произошло. Наверняка кое-кто, возомнив о себе бог весть что, решил «предложить себя», надеясь, что Линь Суе с радостью примет такой дар. А в итоге получил от ворот поворот и теперь страдает от уязвленного самолюбия.

«Неужели он и впрямь верит в свою неотразимость? Неужели думает, что каждый встречный только и мечтает им завладеть?»

Шэнь Хуэйцы закинул ногу на ногу и, подперев подбородок рукой, погрузился в раздумья о

том, что ему удалось разузнать о Линь Суе.

Линь Суе был ребенком, выросшим в любви.

А такие дети лучше всех умеют любить сами, но они никогда не чувствуют себя обязанными становиться чьими-то спасителями.

У него была теплая семья, преданные друзья. И любовь такого человека должна быть под стать ему самому — прекрасной, вдохновляющей, достойной.

А не такой...

Шэнь Хуэйцы опустил взгляд, холодно глядя на юношу, сидящего перед ним на складном стульчике.

Любовь Линь Суе не должна достаться тому, кто зациклен на себе и воспринимает малейшее проявление чужой заботы как некую подачку или бремя.

— Что ж, тогда запомни, — Хуэйцы наконец отвел взгляд. Его голос звучал лениво, но в нем чувствовалась сталь. — Это всего лишь договор о помощи.

— Больше не беспокой его.

Сказав это, он даже не взглянул на Ань Ци, чье лицо в этот момент представляло собой неопишемую гамму чувств. Шэнь Хуэйцы поднялся и направился в примерку.

За последнее время это был самый приятный момент для прославленного Киноимператора. Теперь он понял, почему на банкете Линь Суе с таким сарказмом спросил, не нужна ли помощь и его матери. Хуэйцы шел к себе, напевая под нос какую-то мелодию, и даже решил позвонить матери, с которой давно не связывался — узнать, как ее здоровье, не хочет ли она, случайно, полежать в больнице.

Госпожа Сюй Минчжу была слишком занята игрой в маджонг. Телефон прозвонил дважды, прежде чем она соизволила поднять трубку.

— Что случилось?.. Погоди! Клади карту, объявляю «понг»!

Голос в трубке гремел, полный энергии и задора.

Шэнь Хуэйцы разочарованно вздохнул. Похоже, госпожа Сюй была в превосходной форме, и шанса загреметь в больницу — а значит, и повода обратиться к директору Линю за «помощью»

— у него не было.

— Снова маджонг.

— А чем мне еще заниматься? — парировала Сюй Минчжу. — Сын дома не показывается, муж в гробу почивает.

Госпожу Сюй Минчжу можно было назвать женщиной незаурядной. Она была третьей женой старого господина Шэня. Разница в возрасте у них составляла двадцать два года — она была моложе даже старшего сына покойного от первого брака. Но госпожу Сюй это мало заботило. Она всегда открыто заявляла: как только старик отдаст концы, она станет свободной и богатой. А уж как чудесно будет тратить наследство на молодых красавчиков! С этими мыслями она гордо вошла в семью Шэнь.

И в итоге дождалась своего.

Единственным испытанием в ее браке стали те несколько секунд на похоронах, когда ей пришлось выдавливать из себя слезы.

Шэнь Хуэйцы вздохнул:

— Мама, можно хоть немного уважения к усопшему?

— Вот и приезжай на родительский день, прояви его сам.

— Одно с другим не связано.

— Всё, хватит, — Сюй Минчжу застучала костяшками по столу. — Не мешай мне, ты сбиваешь меня с мысли.

— Будет время — загляни домой. Я за тебя устала отказывать всем этим просителям из твоего круга. Пару дней назад твой старший брат просил передать, чтобы ты съездил с ним на юбилей Старого господина Линя. Едва удалось отмазаться.

— Погоди, — Шэнь Хуэйцы зацепился за знакомую фамилию. — Каких Линей?

— А в городе Юнь есть еще какие-то Лини? Ты там на своих съемках совсем голову потерял? Семья Линь из корпорации «Линь», разумеется.

Лицо Шэнь Хуэйцы мгновенно преобразилось.

— Кто сказал, что я не поеду? — серьезно спросил он.

Сюй Минчжу искренне удивилась:

— Ты что, с ума сошел? Раньше тебя на такие мероприятия было не затащить под страхом смерти.

— Это уже неважно, — отрезал Шэнь Хуэйцы. — Передай брату: на этот раз я еду.

Линь Суе был поглощен заботами о юбилее дедушки. Впервые организацию такого важного события поручили именно ему. Дедушка души в нем не чаял и с улыбкой твердил, что А Е может делать всё, что ему заблагорассудится. Но сам Линь Суе не хотел ударить в грязь лицом. Престиж семьи — это одно, но порадовать дедушку — совсем другое. Семья всегда устраивала для него самого пышные празднества, и он не мог поступить иначе.

Ради этого случая он даже сел за пианино, к которому не прикасался целую вечность.

Линь Суе глубоко вдохнул и осторожно поднял крышку инструмента.

Сяо Цзю поинтересовалась:

[Хозяин, почему вы так нервничаете?]

Кончики пальцев нежно скользнули по черно-белым клавишам. Взгляд Линь Суе невольно наполнился ностальгией.

— Давно не играл, — тихо ответил он.

— В детстве мне приходилось учить слишком много всего. Науки, этикет, искусство — я не имел права отставать. Не обязательно было становиться мастером во всём, но владеть навыками на достойном уровне я был обязан.

— Тогда я был слишком непоседлив. Не мог усидеть на месте и десяти минут — стоило выучить пару пьес, как я тут же норовил сбежать. Отец был очень строг со мной. Если учитель жаловался, что я отлыниваю, меня ждала суровая выволочка. И только брат всегда меня защищал.

Сяо Цзю замерла у него на плече, внимательно слушая рассказ о прошлом Хозяина, о котором в оригинальном романе не было сказано ни слова.

— Мой брат... — голос Линь Суе стал совсем тихим, а дрожащие ресницы выдавали его душевное смятение. — У него было слабое здоровье. Он почти не выходил из больниц. Врачи говорили, что его сердце может остановиться в любой момент.

Он смотрел на клавиши, и его взгляд постепенно становился отсутствующим.

Юность Линь Суе прошла в постоянных сомнениях. Когда он болел, и отец терпеливо давал ему лекарства, ему казалось, что его любят. Когда по ночам он не мог уснуть, и мама баюкала его, напевая песни, он тоже чувствовал любовь.

Но когда у брата случался очередной приступ, и родители, бросив всё, мчались в больницу, оставляя его одного в пустом доме... Глядя на эти холодные стены, он начинал думать, что по сравнению с братом его любят не так уж и сильно.

Сердце Линь Суцзюня было бомбой замедленного действия, и поэтому на плечи Линь Суе легла вся тяжесть будущего управления корпорацией. Список обязательных дисциплин был огромен. В юности он смотрел на горы учебных планов и задыхался от их тяжести. Но он никогда не говорил «нет». Когда становилось совсем неважно, он просто прятался, выплакивал все слезы, вытирал лицо и продолжал работать.

Свой единственный бунт он совершил снежной зимней ночью, сбежав из дома.

Тогда он учился в одиннадцатом классе.

Причина сейчас, для двадцатипятилетнего Линь Суе, казалась почти детской.

Он наслушался сплетен. Слуги и знакомые шептались, что второго сына в семье Линь родили только как инструмент, как замену для наследования бизнеса. Мол, если бы первенец не был калекой, второй ребенок был бы вовсе не нужен.

Тот год был самым тяжелым в его жизни. Нагрузка в учебе росла в геометрической прогрессии, задачи от компании сыпались одна за другой. Как назло, лечение Линь Суцзюня вошло в критическую фазу, он требовал постоянного присмотра, и всё внимание родителей было сосредоточено на старшем брате.

Те слухи стали последней каплей.

В ту ночь валил густой снег, дороги замело, начинался настоящий буран. Линь Суе ушел, не взяв с собой ничего, кроме пальто. Он шел сквозь метель, не чувствуя усталости, иногда останавливаясь перед окнами чужих домов, наблюдая за уютными огнями семейных очагов. Он шел, пока ноги не отказались служить. Тогда он просто сел на снег, обхватив колени руками, и стал ждать конца.

«Я ведь умру здесь?»

Линь Суе с трудом моргнул. На его пушистых ресницах застыла тонкая ледяная корка. Пальцы превратились в ледяные изваяния, их невозможно было даже согнуть. Тело перестало слушаться — наступало оцепенение от холода.

Почему-то он вспомнил сказку о девочке со спичками.

Перед смертью та девочка увидела свою бабушку.

А кого увидит он?

Сознание начало тускнеть, веки налились свинцом. И вдруг в мареве метели возник смутный силуэт.

Это был брат.

У Линь Суе защипало в носу, в горле застрял комок. Слезы, обжигая, покатались по щекам.

— Брат... ты пришел забрать меня с собой?

Лицо Линь Суцзюня было смертельно бледным, губы отливали синевой, каждый шаг давался ему с видимой болью в груди. Он слабо улыбнулся, и его взгляд был полон бесконечной нежности. Брат опустился на колени и крепко прижал своего замерзшего «снеговика» к груди.

— Брат не заберет тебя. Брат заберет тебя домой.

В объятиях Линь Суцзюня не было физического тепла, но Линь Суе почувствовал, как его согревает сама эта аура — почти обжигающая. В нос ударил запах дезинфицирующих средств — родной запах брата.

Он крепко обхватил Суцзюня, всхлипывая:

— Брат, прости меня...

Кожа на руках Линь Суцзюня была прозрачно-белой, сквозь нее просвечивали синеватые вены и следы от бесконечных уколов. Он почти невесомым движением стер слезы с лица младшего.

— А Е, не извиняйся.

— Это я виноват перед тобой. Из-за меня тебе всегда так тяжело.

— А Е — лучший младший брат в мире. А я — самый никудышный старший.

Линь Суе отчаянно замотал головой. Он хотел сказать, что это не так.

Брат был самым лучшим. Что бы ни случилось, он всегда вставал на его защиту. Что бы ни происходило, брат поддерживал его во всём. Он решал те проблемы, с которыми Линь Суе не мог справиться сам. Он каждый день варил для него успокаивающий отвар, вставал по ночам, чтобы поправить одеяло, и никогда не уставал утешать его...

Брат был его опорой.

— А Е... — голос Линь Суцзюня почти терялся в завывании ветра, дыхание было настолько слабым, что не колыхнуло бы и перышка.

— А Е — не инструмент.

— Ты никогда не будешь просто средством для достижения чужих целей.

Его руки бессильно опустились, но на губах застыла нежная улыбка.

— Будь свободен. Будь счастлив. Радуйся жизни.

— А Е — сокровище для всей нашей семьи.

— А Е — это дар, ниспосланный мне небом...

— ...Самый драгоценный мой дар.

<http://bllate.org/book/16112/1582136>